

ФРАГМЕНТ ИЗ ГЛАВЫ 6, параграфа 6.4. «Духовно-ориентированная типология личности в творчестве Ф.М. Достоевского»

Духовно ограниченные. В противоположность духовно богатым и в отличие от духовно противоречивых, представители данного типа пребывают на периферии своего внутреннего мира («гипотрофия самости») или в его чрезмерной самозамкнутости («гипертрофия самости»). Понятия «гипертрофия» и «гипотрофия» являются антонимами. Однако если термин «гипертрофия» часто употребляется в переносном смысле, то «гипотрофия» чаще все же в своем первоначальном, медицинском значении. Тем не менее, по аналогии с гипертрофией как чрезмерным развитием, избытком каких-либо свойств, качеств, способностей гипотрофию можно рассматривать как недостаточное развитие определенных качеств. В предыдущем параграфе рассмотрена «полюсность» потребителя и преобразователя (потребитель отличается приспособительной жизненной направленностью и внешним локусом контроля, низкой жизненной ответственностью; преобразователь, напротив, творческой жизненной направленностью и внутренним локусом контроля, высокой жизненной ответственностью). Потребитель отличается незначительностью внутреннего мира личности, будучи подверженным влиянию обстоятельств; преобразователь же, напротив, чрезмерно эгоцентричен и «самозамкнут».

В рамках потребителя в творчестве Достоевского можно выделить типы «бедных людей» и «сластолюбцев».

В русской литературе тип «маленького человека», т.е. «обыкновенного», не отличающегося талантом или силой характера, занимающего невысокое социальное положение, появился в 20-30-е годы XIX века (Самсон Вырин («Станционный смотритель» А.С. Пушкина, Акакий Акакиевич Башмачкин («Шинель»)). Первоначально общество увидело социальные аспекты бытия «маленького человека», несмотря на свою малость достойного внимания и сочувствия. Однако социологический подход лишь ограниченно раскрывает суть его внутреннего мира, которому свойственно отсутствие личной ответственности, («внешний локус контроля»), желание избежать свободы выбора и переложить принятие решения на другое лицо, что и характеризует его психологический портрет¹.

У Достоевского мы видим целую галерею портретов «бедных людей» – бедных не в силу внешних обстоятельств, а в силу внутренней пустоты. Это, как правило, герои ранних его произведений, в том числе Макар Деушкин («Бедные люди»), Семен Иванович Прохарчин («Господин Прохарчин»). Их отличает прежде всего духовная малость и бедность. На это обращают внимание многие исследователи творчества Достоевского, отмечая их

---

¹ Жучкова А.В. Внешний локус контроля как субстанциональное свойство «маленького человека» в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2016. № 1. С. 51-62.

нетворческую, скучную и однообразную профессию, испытывающие страх перед жизнью².

Это продолжение традиции изображения «маленького человека» в русской литературе, но и значительный шаг вперед, поскольку Достоевский углубляется в духовные причины такого минимума личностного бытия. Макар Девушкин скромнен и сострадателен, не без «нравственных соковок»³; ранее он был отнесен к типу «задушевный собеседник», ориентированному на другое лицо. Господин Прохарчин, сочетание Скупого рыцаря и Башмачкина⁴, также мелкий чиновник, прозябающий в бедности и во всем себе отказывающий, копит себе состояние, превзойдя Плюшкина. Если «задушевный собеседник» ограничивает свою связь с миром избирательным общением, то «тряпичник, или собственник» – предметами, ограждая ими себя от жизни. И.Ф. Анненский называет Прохарчина «сильнейшим психологическим символом», иллюстрирующим основную идею творчества Достоевского; одним из тех, которые были брошены мимоходом Достоевским, не придававшим им значения; не заметили ее и критики. Это повесть о человеке, который умер от страха – не смерти, а жизни, оказавшейся для него непосильной⁵.

Второй вариант типа «потребитель» представляет личность, ориентированную на удовлетворение потребностей организма. При яркой выраженности типа проявляется его внутренняя конфликтность в силу неизбежных противоречий между телесной природой человека и социальной средой, что всесторонне было показано в ортодоксальном психоанализе. В творчестве Достоевского представлен соответствующий тип «*сластолюбца*» (соответствует в нашей классификации типу «сексуальный маньяк»). Аркадий Иванович Свидригайлов («Преступление и наказание») – помещик, у которого служила в гувернантках сестра Раскольникова, – по его собственному определению, «человек развратный и праздный», живущий по законам телесных побуждений. В его образе Федора Павловича Карамазова-старшего («Братья Карамазовы») выпукло и даже карикатурно представлены все последствия жизни по законам телесных побуждений.

В рамках преобразователя у Достоевского выделяются типы «гордецов» и «влюбленных». «*Гордецы*» (см. ранее в нашей классификации тип «самоуверенный гордец») отличаются преобладающим стремлением к самовыражению. «Я» и его раскрытие являются главной ценностью личности. Гордость, самодостаточность, целенаправленное самоутверждение прежде всего характеризуют таких людей. Двигателем личности выступает своеволие гипертрофированного «Я», стремление к доказательству его уникальности. Свт. Тихон Задонский подробно перечисляет признаки гордости, суть которой желание власти и славы: «Знаки гордости суть: 1) высшим не покоряется; 2)

---

² Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское). М., 1979.

³ Антоний (Храповицкий), митр. Словарь к творениям Достоевского. София, 1921.

⁴ Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. Саратов, 1982.

⁵ Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979.

равным и нижним не уступает; 3) гордость велеречива, высокоречива и многоречива; 4) славы, чести и похвалы всяким образом ищет; 5) высоко себе и дела свои превозносит; 6) других презирает и уничтожает; 7) ищет себе показать; 8) бесстыдно себе хвалит; 9) какое добро имеет, себе приписует, а не богу; 10) хвалится и тем добром, которого не имеет; 11) недостатки свои и пороки весьма тщится сокрывать; 12) в презрении и уничтожении быть не терпит; 13) увещания, обличения, совета не приемлет; 14) в дела чужие самовольно мешается; 15) сана или чести лишившись, и в прочем несчастьи ропщет, негодует а часто и хулит; 16) следственно гордость гневлива; 17) гордость завистлива: не хочет бо, чтобы кто равен ей и выше ее был, равную или большую честь имел, но чтобы она во всем всех превышала; 18) гордость нелюбительна, ненавистлива. – Самолюбие же корень всех зол. – Итак, гордость есть начало и корень всякого греха»⁶.

Подпольный парадоксалист («Записки из подполья») противопоставляет свое «Я» всему миру и оттого глубоко несчастлив. Родион Раскольников («Преступление и наказание»), совершивший убийство, чтобы «проверить» свою избранность, испытывает муки гордости и только впоследствии – совести, что оставляет надежду на нравственное перерождение. В трагедии индивидуалистического сознания неуправляемое «личное» доводит человека до черты, где самоутверждение его требует «преступания» другого⁷. Но образ Божий в Раскольникове «противостоит самости и побеждает выдуманную им “наполеоноидную” теорию человеческой автономии»⁸.

---

⁶ Тихон Задонский, свт. Творения. Репринт. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. В 5 т. 5-е изд. Т. 4. С. 158.

⁷ Станюта А.А. Постыжение человека: творчество Ф.М. Достоевского 1840-1860-х гг. Минск, 1976.

⁸ Иоанн (Шаховской), архиеп. Можно ли «гуманизировать» Достоевского? // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 367.